

Конструирование локальной памяти о городском пространстве: анализ мнемонических интернет-сообщений о районе Шаболовки

DOI: 10.19181/inter.2019.18.3

Дарья Рудь*

Статья посвящена нарративам-воспоминаниям, опубликованным в социальных сетях о московском районе Шаболовка (окрестности метро Шаболовская/Тульская) в 2018 г. Анализ проведен с помощью таких концептов, как масштаб и способ передачи памяти. Понятие масштаба, используемое обычно в топографическом смысле, модифицируется и применяется к темпоральной глубине. Способы передачи позволяют структурировать и подвергать дальнейшему анализу воспоминания, обладающие различными критериями валидности памяти и различными функциями: поддержание идентичности, изображение, передача знаний. В статье определены обособленные категории нарративов, не пересекающиеся с другими темами, — об авангарде (как «абсолютном начале») и о «Большом терроре». Выявлены нарративы-триггеры «меня-памяти» для обозначения позиций единой идентичности — например, носителей детских воспоминаний о советском городе, в ответ на безличный пост-ретрофотографию. Проведен анализ особенностей описания различных объектов района. Работа может быть отнесена к таким областям, как постсоциалистические исследования, исследования локальной памяти, анализ нарративов-воспоминаний в социальных сетях.

Ключевые слова: воспоминание-нарратив, масштаб памяти, темпоральный масштаб, средства передачи памяти, СССР, постсоветское, город

* Рудь Дарья, аспирантка департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: ruddaria17@gmail.com

Введение

А. Ассман обращает внимание на характерный феномен последних десятилетий: недоверие к идее будущего и поворот к прошлому как жизненному ориентиру. По мнению Ассман, данный феномен — следствие периода чрезмерного насилия XX века в ходе войн, а также проблем, с которыми столкнулось общество: например, экологического кризиса. При этом поворот к прошлому трактуется в рамках идей устойчивого развития (*sustainability*), работа с памятью — как экологический подход¹. Работа с прошлым и воспоминаниями выделяется в индустрию: спросом пользуются продукты памяти — музеи, мемориальные доски, художественные инсталляции, экскурсии и т. п.; люди занимаются просвещением и поисками для обозначения или восстановления объектов ценной для них памяти, действуют местные краеведческие общества и другие программы и проекты — агенты памяти (Юдин и др., 2017).

Активно обсуждается проблема конструирования памяти — национальной (например, Corner, 1991; Samuel, 1994; Hewison, 1987) и посткоммунистической (Stanciugelu, Țăranu, Rusu, 2013; Negussie, 2007; Czepczyński, 2008; Poria, Ivanov, Webster, 2014; Todorova, Gille, 2012). Вслед за распространением практики путешествий с целью потребления атмосферы коммунизма развивается направление исследований туризма на постсоветских пространствах (Caraba, 2011; Ivanov, 2009; Light, 2000; Otto, 2008). Отчасти сходную проблематику рассматривают работы, посвященные «трудному наследию» (*difficult/problematic heritage*) и «темному туризму» (*dark tourism*) — практикам объективации мест, связанных с преступлениями против человечества, трагедиями, смертью и страданиями, событиями, вызывающими разногласия на политико-идеологической почве (см., например, Burstrom, Gelderblom, 2011; Cohen, 2011; Labanyi, 2007; Logan, Reeves, 2008; Macdonald, 2009).

Теоретический подход к анализу памяти в нарративах о районе

Объект данного исследования — нарративы-воспоминания о районе станций метро «Шаболовская» (улицы Шаболовка) и «Тульская». Выбор территории обусловлен её растущей популярностью в качестве примера раннесоветского архитектурно-социального анклава: уже существовавший до революции рабочий район в 1920–30-х гг. был значительно дополнен рядом знаковых объектов — башней Шухова, крематорием, общежитиями текстильного института и рядом жилых комплексов для рабочих. Очевидно, столь значительное изменение среды могло оставить след

¹ Материалы конференции «Communicative and Cultural Memory» на сайте университета Сан-Паулу: <http://www.iea.usp.br/en/news/cultural-memory-the-link-between-past-present-and-future> (дата обращения: 01.03.2017).

в «символическом пространстве»; с другой стороны, существует и «конкуренция» авангарду со стороны дореволюционного исторического наследия — например, в виде Донского монастыря (конец XVI в.) или особняка графа Орлова. Анализ памяти о районе Шаболовки актуален в рамках дискуссии о конструировании постсоветской идентичности и в контексте выбора историй, формирующих наследие территории.

Данная работа исходит из понимания памяти как деятельности по передаче «историй» (Olick, 2007), фокусируется на нарративах и их политическом толковании. Целью исследования памяти, согласно Дж. Олику, «должно быть понимание (...) меняющихся отношений между прошлым и настоящим, в которых сплетаются, хоть и не всегда гармонично, образы, контексты, традиции и интересы. Не стоит измерять коллективную память как зависимую или независимую переменную, определяемое или определяющее явление» (Олик, 2012: 46). Анализ памяти предполагает изучение нарративов при помощи аппарата текстологического анализа, основанного на теории литературы и философии (ощутившего влияние лингвистического поворота), и средств их передачи («носителей» — media). Такое понимание позволяет уйти от определения коллективной памяти как единой сущности и от противопоставления индивидуальной и коллективной памяти, представляет память как *процесс* вспоминания, а не «место хранения» (Olick, 2007: 10). Предметом анализа Олика выступает память о проблемном наследии Германии нацистского периода, обсуждаемом через набор нарративов, а не физических мест. На выбор повлияла развернувшаяся в 1980-е гг. дискуссия о должном содержании памяти «здоровой нации». Олик обратил внимание на значение историй (stories), практик их распространения и роль в политической легитимации и формировании идентичности (там же: 13–14). Отказываясь от постулата о наличии «абсолютной исторической правды», Олик, вслед за другим исследователем немецкой памяти П. Райхелем, предлагает различать нарративы по средствам передачи («носителям») и критериям валидности передаваемого сообщения, выделяя: эмоциональный критерий для таких средств передачи, как политический фестиваль или юбилей, критерий аутентичности для таких носителей, как фотография или историческое место, и когнитивный критерий правды в историографии, аналитике.

Вопросы памяти жителей территорий, облик и функционал которых в значительной степени определен СССР, обсуждались на примере молодых уральских городов в работе (Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016). Многослойность и активное развитие в период, ассоциированный с советским проектом, роднит Шаболовку с молодыми городами Урала. Фокус исследования — «актуальный дискурс молодых городов, который контекстуализируется с помощью советского официального дискурса» (там же: 35). Выделяются места памяти — «совокупность пересекающихся и воспроизводящихся смыслов, образующих символический фон присвоения/отторжения территории собственного проживания, обеспечивающих включенность жителей малого города в более широкий социальный и исторический

контекст». Если работа Олика о политике сожаления в Германии анализирует истории, локальная привязка которых, в основном, не играет ведущей роли, то исследования Веселковой, Вандышева, Прямиковой укоренены территориально — как самим фокусом на малых городах, так и методом сбора нарратива в ходе прогулки по городу (go-along интервью). Для сопоставления мест памяти городов использовано различие, позволяющее дифференцировать высказывания, размещая их на шкалах масштаба² — географического, темпорального. Для анализа нарративов о Шаболовке актуальна фиксация темпорального масштаба памяти: присвоение «временных координат» (Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2017: 36), поскольку район связан с историями, относящимися к различным временным и политическим пластам, в определенных случаях пересекающимся либо, напротив, имеющим тенденцию к обособлению. Для исследования уральских городов значимым результатом оказалось сочетание темпоральной глубины с географическим масштабом дискурса: отсылки к столетиям и тысячелетиям, в случае региона, и «более скромная» глубина в 2–3 поколения, в случае как страны и мира, так и города. В случае с Шаболовкой, ссылки на различную «глубину истории» проанализированы с точки зрения одновременного присутствия: такой подход позволяет установить степень консистентности воспоминаний.

В исследовании нарративов-воспоминаний о Шаболовке применяется сочетание методологий упомянутых работ: различие средств передачи (media) памяти и темпоральных масштабов нарративов. Предмет анализа — поиск вариантов сочетания либо, напротив, обособления масштабов и средств передачи памяти о районе в нарративах.

Данные

Массив нарративов-воспоминаний о районе формируется из сообщений — постов (в том числе репостов и дополненных репостов) и комментариев — в социальных сетях³. Исследования указывают на актуальность социальных сетей как укрепляющей свои позиции альтернативе традиционным медиа, содействующей «новому историческому сознанию» (Birkner, Donk, 2018).

В то время как набор мест памяти молодых уральских городов становится во многом обусловленным физической средой, за счет использования метода go-along интервью, для Шаболовки проведен целенаправленный сбор текстов по адресам и локальным топонимам. Данные собраны за 2018 г., в качестве основных источников выступили: Facebook,

² Несколько модифицируется само понятие места памяти: тогда как у П. Нора оно выделяется вследствие неотъемлемой связи со значительным масштабом — масштабом Франции, в работе Веселковой и др. национальный масштаб становится одной из характеристик, а не определяющей сущностью места памяти.

³ Для формирования базы использовалась система Youscan.

ВКонтакте, Instagram, также в отборе сообщений участвовали Одноклассники, Livejournal, Telegram, Twitter, Youtube. Из генеральной совокупности, сформированной на основе запроса по топонимам и адресам (21 225 текстов), взято случайным образом 5000 сообщений, с которыми проведена процедура очистки от нерелевантных (не касающихся района или прошлого) текстов. В итоге получено 304 уникальных сообщения; всего в базе — 589 текстов с учетом репостов.

В качестве единицы анализа используется сообщение в социальных медиа с некоторыми известными характеристиками, а именно: адрес площадки размещения (личные страницы или группы, сообщества), ссылка на профиль автора, количество подписчиков площадки размещения и др.

Темпоральные масштабы

Рассмотрим распределение текстов в соответствии с задействованными в них масштабами темпоральной глубины памяти. В отношении Шаболовки целесообразно выделить следующие позиции темпорального масштаба: дореволюционный, советский и постсоветский периоды, а также время постройки зданий архитектуры советского авангарда.

Рисунок 1. Частота упоминаний периодов времени в нарративах о районе Шаболовки

О дореволюционном времени говорится лишь в девяти оригинальных сообщениях. За счет того, что упоминания о древней истории включены в анонс экскурсии (постройка Донского монастыря в XVI веке) и в справочный пост о семье Н. И. Пирогова (мать которого жила на Шаболовке), количество репостов такой информации велико — 38 сообщений. В то же время, в половине случаев в оригинальных текстах дореволюционное время обсуждается субъектами, имеющими либо собственную, либо семейную память о районе, поэтому нельзя сказать, что этот масштаб актуален только для потребителей справочной информации и описания культурных мероприятий:

«Сколько лет уже встречают меня, когда на метро возвращаюсь домой, Шуховская башня и здание бывшего Варваринского сиротского приюта. #шаболовка #москвасегодня #архитектура #дорогадомой»⁴ (https://www.facebook.com/100000547126978/posts/2174917665869783?comment_id=2179401598754723).

«Справа здания военных казарм, которые были и при царе-батюшке. Мне одна знакомая бабушка (1888 г. р.) рассказывала, что ходили к солдатам жениться, в хорошем смысле слова» (https://vk.com/wall-165518682_875?reply=1788)⁵.

Упоминание архитектуры авангарда/конструктивизма часто выступает в качестве определяющей характеристики временного периода, освобождая автора от необходимости указывать годы постройки, подразумевая осведомленность читателя. В массиве без учета перепостов сообщений об авангарде — почти столько же, сколько обо всех других темах, относящихся к СССР (39% и 43% соответственно). Сообщения о времени постройки авангардистской архитектуры — единственная темпоральная тема, доля которой в уникальных сообщениях выше, чем в перепостах. Эффект, однако, нивелируется при исключении Instagram из анализа: архитектура авангарда часто становится объектом фотографических постов — 45% всех материалов с указанием на авангард/конструктивизм размещено в Instagram (репост в котором требует больших усилий по сравнению с другими платформами). Тексты, касающиеся других периодов, представлены в Instagram лишь в 2% случаев.

Более половины всех сообщений, с учетом перепостов, описывают советский период. Из 114 сообщений, содержащих личные или семейные воспоминания, 63 относятся к советскому периоду. Зачастую это комментарии в ответ на пост-фотографию или пост воспоминаний. Такие сообщения свидетельствуют о готовности агентов памяти разделять свои воспоминания в публичном пространстве, в ответ на триггер:

«Родные места. Донские бани посещали каждую неделю. В наших домах на Загородном шоссе не было горячей воды. На втором этаже Донских бань была прачечная самообслуживания. Заодно стирали и гладили там и постельное белье» (https://vk.com/wall-126481169_8294).

Рассмотрим, какими сочетаниями масштабов глубины памяти оперируют отобранные тексты.

Тексты об авангарде (п. 1 таблицы 1), обычно, ограничиваются временем создания построек и редко включают упоминания других периодов (примерно в 4% случаев среди уникальных сообщений и в 10% — в массиве с перепостами). Значительная доля совместных упоминаний советского

⁴ В статье использованы тексты сообщений с сохранением орфографии, пунктуации и использованных хэштегов и эмодзи.

⁵ Автор цитаты — ученик школы № 545 до 1968 г.

**Совместное упоминание периодов времени в нарративах
о районе Шаболовки (уникальные тексты, n=304)**

	Дореволюционное время	Авангард/ конструктивизм	Советское время	Постсоветское время	В среднем со всеми другими периодами
1. Авангард/конструктивизм (указаны данные термины)	1%	-	7%	4%	4%
2. Советское время без ссылки на архитектуру авангарда (указаны годы и другие маркеры: пролетариат, коммуна, детство, названия и т. п.)	5%	6%	-	10%	7%
3. Постсоветское время (указаны годы и другие маркеры: названия организаций, события и т. п.)	5%	11%	30%	-	15%

и постсоветского периодов связана с тенденцией к сравнению среды в советское и постсоветское время. Как будет показано ниже, такая дискурсивная конструкция подчеркивает дистанцию между прошлым и настоящим. В отличие от концепции борьбы примерно равносильных «старого» и «нового», дискурс дистанции не предполагает процессуальности процесса изменения, а «фиксирует абсолютное состояние» (Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016: 148).

Память о советском времени (п. 2 таблицы 1) также, обычно, исключает другие периоды, однако сообщения о СССР более разнообразны по темам и жанрам — могут включать как информационные справки и анонсы экскурсий, так и личные воспоминания, рассказы о жизни замечательных людей, городские легенды и др.

Постсоветскую среду (п. 3 таблицы 1) подчас описывают как изменения инфраструктуры и её использования в сравнении с советским временем:

«Вот хлебом клянусь: я не припоминаю ни одной сотрудницы ни в самом даже юном секретарском возрасте, кто б ходил в универмаг просто так! Как так случилось, что теперь ходят на этот чертов шопинг???» (<https://red-nadia.livejournal.com/713901.html>).

«А вы видели Донской олимп, который соорудили на месте МЗОЦМ на другой стороне Серпуховского вала?» (https://www.facebook.com/254323464747543/posts/1010553915791157?comment_id=1011034449076437).

В анализе Веселковой и др. такая оппозиция времен обозначена как дискурсивное дистанцирование (Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016: 154). В отличие от борьбы и «агрессивной враждебности» старого и нового, дистанция «фиксирует абсолютное состояние и безразлична к процессу (изменений)» (там же: 148). Дистанцированное от старого новое «случилось», его «соорудили» на месте привычного.

Единственный текст, сочетающий ссылки на все три периода памяти (дореволюционный, советский и постсоветский), представляет собой комментарий о новом использовании земли и недвижимости, оставленный в ответ на пост-триггер о закрытии заводов России:

«На месте ж/д ветки к Кр. пролетарию ылиттку построили (напротив Донского монастыря). В цехах (завод с XIX века) снимают кино, сдают под павильоны» (https://www.facebook.com/100002437222631/posts/1661434707281087?comment_id=1662927867131771).

Объекты района

Рассмотрим, какие объекты района упоминаются в сообщениях чаще всего. Дом-коммуна архитектора И. Николаева на ул. Орджоникидзе является лидером среди упоминаемых объектов района — тексты о нем встречаются в 38–40% случаев, чаще сообщений о других местах в 2, 4 и более раз. Это может быть связано и с принадлежностью здания к памятникам архитектуры, о чем упоминается в основной массе сообщений, и с наличием личных воспоминаний о студенчестве — число постояльцев общежития естественным образом значительно превышает число жильцов какого-либо дома (ср., например, с сообщениями о доме-коммуне архитектора Вольфензона на ул. Лестева, доля которых составляет 2–4%).

Пятая часть текстов относится либо к нескольким объектам, либо к району в целом. В 12–14% сообщений упоминается Хавско-Шаболовский жилмассив — чаще всего, в силу расположенных в нем галереи «На Шаболовке» и Центра авангарда (места проведения временных выставок и постоянного расположения музея района). Такие объекты конструктивистской архитектуры, как Даниловский универмаг, школа № 600 и Донские бани (снесены в 2013 г.) упоминаются примерно с одинаковой частотой 6–11%.

Способы передачи и критерии валидности памяти

Процессо-реляционный подход занимается способами, или средствами, передачи, опосредующими сообщение о прошлом, а также представляет саму память как посредничество (Olick, 2007: 98). В отличие от машинного

Рисунок 2. Объекты внимания в тексте в нарративах о районе Шаболовки

«сохранения и восстановления», процесс воспоминания представляет собой «длящийся процесс передачи», где средства определяют получаемое сообщение (Олик, 2012: 53), свидетельствуют о характере коммуницируемой связи между прошлым и будущим.

Вслед за П. Райхелем (Reichel, 1999), Олик классифицирует функции немецкой памяти. Предлагаются следующие критерии её валидности. Во-первых, эмоциональность (аффективный критерий), функция которой — поддержка идентичности и интеграции в сообщество разделяющих определенную память. Во-вторых, аутентичность (эстетически-экспрессивный критерий) — для реализации функции репрезентации воспоминаний, авторского изображения «истории». Третий тип критерия валидности памяти — правдивость (когнитивный), для реализации потребности в передаче знания и объяснении (Олик, 2012; Olick, 2007: 100). В таблице 2 столбцы «Критерий» и «Функция» непосредственно заимствованы из работы Райхеля, а содержание столбца «Способ передачи» представляет собой адаптацию для данной работы. Рассмотрим, какие сообщения о районе соответствуют каждому из критериев.

Эмоциональный критерий (п. 1 таблицы 2) выражен в сообщениях ностальгического жанра, передающих ощущения автора по поводу прошлого — общей «эпохи». Некоторые сообщения данной категории кажется более уместным обозначить как жанр «плача», жалобы на изменение. Отдельным доказательством правомерности выделения такого жанра можно считать инструментальное отношение к нему самого автора:

Таблица 2

Мнемонические средства передачи (mnemonic media)

Критерий	Функция	Способ передачи	Пример
1. Эмоциональность (аффективный)	Идентичность и интеграция	Общение носителей воспоминаний и разделяющих взгляды на ценные объекты — комментарии к старым фотографиям, призыв к сохранению среды, списки важных памятников (у Райхеля: политические фестивали, юбилеи)	<i>...предлагает вам подписать петицию — еще необходимо 156 подписей сегодня!</i> (https://www.facebook.com/100003910751659/posts/1113440732129608) <i>Донские бани. Завершение ещё одной эпохи!</i> (https://vk.com/wall8098135_96)
2. Аутентичность (эстетически-экспрессивный)	Репрезентация, воображение	Эстетизация, творческое осмысление, по возможности точное личное воспоминание (у Райхеля: места памяти: руины, исторические места, музеи, фотографии, письма, фильмы)	<i>Я тогда жил в известном и уродливом доме-корабле на Тульской, работал между Тульской и Серпуховской</i> (https://telegram.me/argolu/2095)
3. Правдивость (инструментально-когнитивный)	Знание: объяснение и смысл	Информационная справка, сводка, анализ (у Райхеля: историография, документация, устная история, анализ)	<i>... хочу рассказать об ещё одном удивительном памятнике архитектуры, а по мне так — целой эпохи — доме-коммуне проекта архитектора Николаева. Это — апогей идеи общественного быта: всё общее, ничего индивидуальных процессов</i> (https://vk.com/wall1259546_11588)

*«*гневный комментарий про Донские бани*. А вообще так-то родной район»* (https://vk.com/wall-94947417_35294?reply=35295 — комментарий в ответ на серию фотографий района, включающую также фоновое изображение жилого комплекса Barkli Residence, построенного на месте Донских бань).

Другой вариант реализации функции идентичности и интеграции — эмоциональный призыв к участию в противостоянии, сохранению места в неизменном виде:

«Подпишите петицию. Власти Москвы. Управа Даниловского района: Остановите проект сноса школы № 600» (<https://twitter.com/brusnika1710/status/1012800022134566915>).

В отличие от постов, транслирующих позицию по сохранению памятника, ностальгические тексты описывают среду прошлого; и именно среда в данном случае основная ценность и объект памяти. Оппозиция «раньше — теперь» «соткана из личного опыта, плотно сплетенного с повседневностью города» (Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016: 231). Эмоциональность сообщения способна интегрировать читателя с опытом свидетелей прошлого:

«Фильм ужасов. Исчез стадиончик на Мытной вместо него поляна каких-то жутких темных домов. ... Шаболовку как в фантастическом фильме стали переделывать до невероятности. ... Если бы восстали наши бабушки и дедушки, то не узнали бы этот район: все переформатировали» (<https://www.facebook.com/100002434522142/posts/1859969937427472>).

Иногда среда явно маркируется как часть политического режима, обсуждается изменение среды с идеологически советской на постсоветскую:

«А ведь, казалось бы, совсем недавно товарищ Ю. В. Андропов встречался с московскими станкостроителями и говорил им, стоя под навесом транспортного цеха (нынешний «Ашан» на ул. Орджоникидзе, 11) ... на этой встрече, на цитатах из речи товарища Ю. В. Андропова заканчивается роман Сорокина «Тридцатая любовь Марины»» (https://www.facebook.com/100002437222631/posts/1661434707281087?comment_id=1662927867131771).

Ностальгический жанр поддерживает принцип дискурсивного дистанцирования советского прошлого и постсоветского настоящего, борьбы которых как будто и не было, а дистанция установилась естественно и незаметно — дорогого прошлого «давно нет», его атрибуты «исчезли» из физической среды.

Ведущей темой сообщений, имеющих эмоциональный критерий валидности, нередко становится детство. Для памяти о районе такая тенденция естественна — жизнь ребенка нередко ограничена территориально и проходит преимущественно в местных детском саду, школе, дворе. Общение происходит на площадках сообществ, предназначенных для создания коллажей близких идентичностей, чья схожесть основана на принадлежности к определенной темпоральности и территории. Как правило, это тематическая группа — например: «Донской: Любимый район Москвы», «Москва — воспоминания детства» и т. п.

«Москва. Шаболовка. школа 600. Начало 90х. Мы выходили во двор к старым березам, кто с чем. Откуда ножики брали для надреза коры уже не помню. Сок бежал медленно, но мы терпеливо ждали, набрав стаканчик мы запечатывали надрез глиной. Березовый сок продавался и в магазинах, не такой как сейчас. Он никогда не был газированным или с какими то добавлениями других соков. Этот сок был символом весны. Символом детства» (https://vk.com/wall3509731_35263).

Довольно часто личные воспоминания не локализируются на каком-то объекте, а касаются района в целом и расширяются до «примет времени» — вилок для пробы хлеба в булочной, бабушкиного пухового платка:

«Barkli Residence. прикосновение к прошлому и настоящему. настольгия. Когда-то, примерно 23 года назад, вместо ЖК стояли “донские бани”. Туда-то нас с Аней таскали бабушки парится. Выходим из дома, вдоль по трамвайным линиям с заходом в булочную “незабудка” чтобы “протыкать” вилкой. И в парную с берёзовыми вениками. Как сейчас помню, выбивали из нас с Аней (как нам говорили) всю хворь. А потом укутившись в бабушкин пуховой платок с тазом подмышкой мелкими перебежками домой (Шухова, 21) и чай с медом и бабушкиными пампушками. Люблю шаболовку, все детство тут прошло и чуть-чуть юности» (https://vk.com/wall176496219_346)

Посты, имеющие **эстетически-экспрессивный критерий валидности** (п. 2 таблицы 2), репрезентируют опыт взаимодействия автора с памятью о районе. Райхель в качестве носителей памяти с таким критерием валидности рассматривает сами места (достопримечательность, руины, музеи), а также письма, фильмы. Учитывая, что сообщение в социальной сети уже является репрезентацией, я предлагаю модифицировать носители памяти, валидной по данному критерию, и причислять к ним, во-первых, аутентичные, как можно более детальные личные воспоминания и, во-вторых, творческое осмысление объектов или опыта памяти: например, стилизованные фотографии архитектурных элементов.

Цель текста, описывающего индивидуальное воспоминание, — перенести читателя визуально и эмоционально в прошлое автора:

«Жил я в 69/32, от почты сфотографировали. И до сих пор ненавижу трамваи, как встанут на перекрёстке, и давай звенеть, машины сигналият, ночью пути отбойными молотками ремонтируют, у “Алмаза” дети гор ночью с травматами бегают стреляют. Эх веселуха). Сейчас на Люсинвской живу. Сплю спокойно, глаз не дёргается))) Но... всё равно люблю этот перекрёсток» (https://vk.com/wall-126481169_8026?reply=8027).

Сообщения, выказывающие аутентичность памяти, имеют тенденцию появляться в ходе концентрированного общения причастных к району, т. е.

отчасти носят и функцию поддержания идентичности и интеграции вспоминающих. Например, наблюдаются многочисленные комментарии к старым фотографиям — детского сада с видом на Шуховскую башню, белья во дворах, Даниловского универмага, церкви и т. п.

«И я помню... С 1968 по 1979 ходила туда с мамой. Это было целое приключение, которое происходило пару раз в неделю. По дороге было несколько пеньков, я садилась, и мы с мамой воспроизводили сцену из сказки “Маша и медведь”... Ходили с Хавской улицы» (https://vk.com/wall-165518682_2223).

«я жил на Шаболовка, д. 5 ... если смотреть на фото, то правее плаката “Гасите” уходят трамвайный пути и стоял наш трёхэтажный дом из красного кирпича с толщиной стен в метр. Был один кран с холодной водой на кухне, длинный коридор и три комнаты» (https://www.facebook.com/254323464747543/posts/984225581757324?comment_id=984444398402109).

«Я там ряженку в детстве у поросят покупал» (https://vk.com/wall-126481169_4955).

Своеобразной противоположностью лаконичным фотопостам из одной ретро-фотографии (хоть и вызывающим многочисленные комментарии) представляются Instagram-отчеты о посещении района. Такие сообщения состоят из современных, часто стилизованных, снимков объекта (хотя и могут

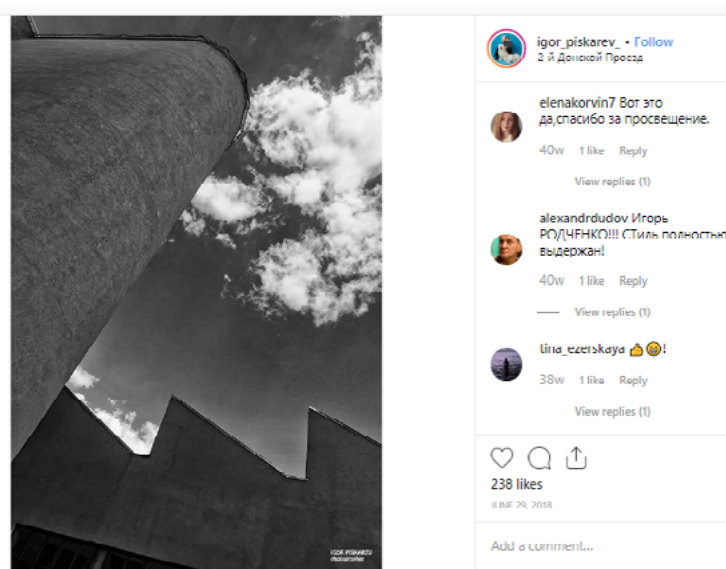

Рисунок 3. Пост о доме-коммуне Николаева в Instagram (<https://www.instagram.com/p/BkrrVieFlk0>)

быть дополнены старыми фото), репрезентирующих аутентичный опыт автора через эстетический критерий и обращающихся к воображению зрителя.

Другой вариант творческого осмысления — вышивка в виде одного из зданий Хавско-Шаболовского жилмассива.

Рисунок 4. Вышивка, изображающая дом Хавско-Шаболовского жилмассива (https://vk.com/wall40985_5962)

Эстетическое использование воспоминаний о районе предлагает и литературный жанр — например, описание места может служить дополнительным выразительным элементом рассказа:

«Луна десятки раз превратилась из окружности в линию и снова в окружность, я переехал с Тульской, мой зал переехал с Тульской, необходимость вышагивать по улице Люсиновская отпала» (<https://telegram.me/argolu/2095>).

Инструментально-когнитивный критерий валидности (п. 3 таблицы 2) проявляется в многочисленных сообщениях, которые можно охарактеризовать как справочные, цель которых — просвещение читателя, предоставление информации о знаменитом объекте, его создателе, событиях в нем:

«...именно архитекторы создают эпоху, за наследием которой не нужно идти в музеи или концертные залы: она ждет нас на улице. Олтаржевский — один из таких людей» (<https://www.facebook.com/100003533360331/posts/1492243130903451>, 15 репостов).

Особенно заметна интенция на передачу знаний в текстах о доме-коммуне Николаева: из 116 оригинальных постов 50 содержат подробную

информационную справку (для Хавско-Шаболовского жилмассива это соотношение — 11 из 42, для Донских бань — 3 из 20, для универмага — 6 из 28, для дома-коммуны на ул. Лестева — 1 из 6, для района Шаболовки в целом — 4 из 50).

Справка может формироваться и из данных о репрессиях — такие сообщения представляют собой списки расстрелянных с указанием адресов, без специального комментария о районе, и часто являются предметом перепоста (11 случаев из 18 о Большом терроре). Другая часть — «живые» тексты о происходящем сегодня в связи с памятью репрессированных:

«На днях в дверь моей квартиры постучали. Не сильно, но настойчиво. Два человека, молодой мужчина-казах и красивая женщина-еврейка зашли и рассказали что в квартире, в которой я живу, когда-то жил интересный-неспокойный-неоднозначный человек...» (<https://www.facebook.com/100000644559839/posts/1895148743849926>).

В сообщениях о репрессиях видим ту же тенденцию, что и с текстами о времени постройки авангарда: монофункциональность, т. е. практически полное отсутствие сочетаний темы Большого террора с другими (например, в описании районных прогулок сочетание присутствует только в одном сообщении).

Отчет о посещении выставки, экскурсии, рассказ о прогулке также предполагают ориентацию, в первую очередь, на правдивость памяти и служат объяснению, передаче знания.

«Посетил гениальнейшую экспозицию прекрасного “Музея авангарда на Шаболовке” (Серпуховской вал, д. 24, к. 2). Среди всяких занятных до невозможности предметов быта протокоммунистического жилья (невообразимых среди трендового ныне евроремонта) есть даже колбочка с дохлыми тараканами!!» (<https://www.facebook.com/100001229143571/posts/1799207110130243>).

В жанре городского фольклора-«страшной истории» правдивое описание места, в числе других деталей (например, даты), может служить формированию чувства достоверности:

«В пятьдесят четвертом году, когда я учился в первом классе тогдашней 545-й московской школы, выходящей окнами на знаменитую башню Шухова ... Случившееся настолько потрясло нас, что мы больше никогда не обсуждали трагическое происшествие...» (https://vk.com/wall-122402094_52437).

Сообщения с городским фольклором, так же как и справки, становятся предметом перепостов. Тенденцию к информационному резонансу можно отметить в отношении мемуаров и очерков о жизни замечательных людей.

В таких текстах ссылки на район являются органичной частью жанра историографии:

«Школа № 545, где я учился, задумывалась как образцово-показательная, в ней был прекрасный актовый зал и столь же прекрасный педагогический коллектив учителей, которые разрешали нам устраивать всевозможные вечера. А неподалеку, в 553-й школе учился Андрей Тарковский. Он приходил к нам на танцы» (https://vk.com/wall-150710292_34578, 3 репоста).

«В общежитии Комуна МИСиС походы за пивом происходили как войсковая операция» (https://vk.com/wall164054967_24091, 32 репоста).

Другой вариант мемуара — занятный анекдот, случай из жизни, где место действия не играет роли в истории, но, тем не менее, достаточно значимо, чтобы быть упомянутым автором:

«Донские бани были рядом, открывались они в 8 утра, а работа началась в 9, так что попариться часик не мешало для повышения производительности труда. Но Борисов немного не рассчитал и парился больше часа. Когда он пришел в институт ближе к 10 и шел по коридору, распаренный и довольный, наш завлабораторией — знаменитый профессор, заслуженный деятель, авторитет среди всех ученых Союза — как раз стоял в коридоре и с кем-то разговаривал. Увидев проходившего мимо Борисова, он спросил:

— Откуда это вы?

— Из баньки-с, — ответил улыбающийся Борисов. — У профессора отвисла челюсть, и он только проводил своего сотрудника взглядом»

(<https://www.facebook.com/100002984643817/posts/1557020744407399>, 12 репостов).

В некоторых случаях, напротив, инфраструктура района выступает в ведущей роли, повествование строится вслед за воспоминанием о месте, как прогулка:

«Вспоминаю 1987, Москва, я часто живу по месяцу в командировке и работаю на заводе “Красный пролетарий” (в простонародии Кыр-Пыр), что у Донского монастыря, на Шаболовке. Там же, на Шаболовке, у комиссии, был пятак форцовщиков и я часто там крутился...» (https://www.facebook.com/1274733553/posts/10212186685363735?comment_id=10212204033557429).

Посты-мемуары можно сравнить с летописью, хроникой, поскольку определенный отрезок времени описывается в них максимально подробно: например, рождение группы БИ-2, похождения обитателей общежития и т. д.

В рамках такого рода текстов, в частности, обнаруживается, что район Шаболовки — место юности Тарковского, в доме-коммуне общежития Николаева располагалась студия звукозаписи, связанная с Сергеем Жариковым, и т. п.

Можно выделить сообщения, описывающие память для человека без собственного опыта пребывания в прошлом района, также ориентированные на когнитивно-инструментальный критерий валидности. В массиве оказалось два текста в жанре рекламы новостроек: о доме «Баркли Резиденс» от компании Barkli⁶ и о проекте «Нескучный Home&SPA» от GORN Development⁷. Если авторы описания «Баркли...» умалчивают об авангардистской архитектуре района и делают акцент на других объектах («Рядом расположены Донской монастырь и Шуховская телебашня...»), то «Нескучный...», напротив, публикует довольно подробный пост⁸ о Хавско-Шаболовском жилмассиве в связи с планами на открытие арт-пространства «Новый авангард». Авангард в этом примере, как и в темпоральном дискурсе, выступает обособленно: не включен в число ценностей района по версии «Баркли» и, напротив, является единственным локальным флагманом арт-пространства для «Нескучного...».

Заключение

Рассмотренные мнемонические сообщения участвуют в различных констелляциях масштабов. Сочетание нескольких темпоральных масштабов наименее характерно для сообщений об авангарде — лишь 4% таких текстов (в массиве без репостов) содержат память о чем-либо, кроме конструктивистской архитектуры. Вероятно, такую диспозицию можно обозначить как темпоральный дискурс «абсолютного начала» на «пустом, или голом месте» (Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016: 157). Дискурс сообщений об авангарде обособлен как от дореволюционной, так и от последующей советской и постсоветской истории, сохраняет своеобразную «стерильность» модерна; иногда ссылка на конструктивизм заменяет указание дат. Информационная справка о таком авангардистском истоке района — одна из наиболее популярных в нарративах. Справка часто дополняет стильные фотографии дома-коммуны Николаева в Instagram — таким образом сообщение сочетает в себе функции и передачи знания, и репрезентации эстетического опыта автора.

Наряду с сообщениями, концентрирующимися исключительно на «абсолютном начале», выраженном в авангарде, значительное число сообщений — например, ностальгические — представляют дискурсивное дистанцирование советского и постсоветского. Дистанция подразумевает принципиальную разобщенность, отсутствие какого бы то ни было процесса — как борьбы, так и преемственности.

⁶ Сдан в 2017 г.

⁷ Дом в стадии постройки. Рассмотрение дела о банкротстве компании запланировано на осень 2019 г.

⁸ https://vk.com/wall-154794279_105

Самозамкнута и тема Большого террора, не сочетаясь в сообщениях с другими сюжетами. Упоминания данной темы служат функции передачи знания в форме «расстрельных списков», практически не участвуя в реализации функций интеграции или воображения.

Нарративы классифицированы по критериям валидности памяти и соответствующим функциям сообщений:

1. Тексты с *эмоциональным* критерием валидности направлены, в основном, на поддержание идентичности либо «свидетелей эпохи», разделяющих приметы советского детства и память о городской среде, либо ценителей памятников архитектуры. Нарративы, служащие идентичности и интеграции, институционально поддерживаются соответствующими площадками в сети Интернет: группами о старой Москве (формат общения — комментарии в ответ на фотопост с ретрофотографией), платформами для создания петиций. Фотопосты, сами по себе безличные, демонстрирующие архитектурные объекты, пробуждают комментарии с аутентичными воспоминаниями, являясь триггерами «меня-памяти» — нарратива, появляющегося в ответ на внешний стимул (Ассман, 2014: 74).
2. Нарративы с *эстетически-экспрессивным* критерием валидности памяти направлены на репрезентацию аутентичной памяти. Функцию «воображение» у Райхеля, в данном случае, вероятно, более уместно перевести как «изображение». К таким сообщениям относятся детальные личные воспоминания, а также творческое осмысление прошлого в литературе и других видах искусства. К данной категории я отнесла и посты об архитектуре авангарда в Instagram. Творческое осмысление архитектуры часто дополняется в них подробной справкой о здании, что говорит о смешении эстетически-экспрессивного и когнитивного критериев валидности памяти, но, в то же время, отсутствии интенции на интеграцию и идентичность. При этом функции, с одной стороны, интеграции, с другой, репрезентации аутентичной памяти пересекаются в сообщениях о воспоминаниях детства: это и изображение (в ветках комментариев можно обнаружить целые мозаичные панно), и эмоциональное стремление к подтверждению коллективной идентичности.
3. «Правдивость» как *инструментально-когнитивный* критерий валидности памяти проявляется в информационных сообщениях, призванных просвещать реципиента. Распространена тенденция к употреблению таких нарративов по отношению к дому-коммуне Николаева, в то время как о других исторических объектах (Хавско-Шаболовский жилмассив, Даниловский универмаг, Донские бани, дом-коммуна на ул. Лестева) справки составляют скорее меньшинство сообщений. Помимо просвещения, правдивость нарратива служит созданию достоверного образа — например, в художественных рассказах, исторических анекдотах, страшных историях. Такие жанры, как и обычная информационная справка, часто становятся предметом перепостов, что повышает вероятность встречи читателя с сообщениями, обладающими именно этим критерием валидности памяти.

Наличие разнообразных нарративов, с одной стороны, говорит о возможности выбора, диверсификации памяти. С другой стороны, обособленность тем авангарда и Большого террора может свидетельствовать о формировании эффекта колеи в предпочтениях различных аудиторий, обособлении авторов и реципиентов нарративов-воспоминаний. Примечательно, например, что в рекламных сообщениях одного из новых жилых комплексов акцент сделан на демонстрации связи с прошлым района через архитектуру авангарда, в то время как в описании другого — напротив, эта тема не упоминается и используется образ Донского монастыря. В обоих случаях не упоминается тема советской жизни района, например, работы на заводах, посещения рабочих клубов и т. п.

Литература

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Веселкова Н., Вандышев М., Прямикова Е. Молодые города: масштабы мест памяти // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 36–65.

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Места памяти в молодых городах // Урбанистика. 2016.

Олик Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74.

Рудь Д. Дискурсивные репрезентации жилища рабочих на примере СССР и КНР // Социология власти. 2017. № 4. С. 174–196.

Юдин Г. Б. и др. Аналитический отчет по социологическому исследованию в рамках доклада Вольного исторического общества «Какое прошлое нужно будущему России?», 2017.

Birkner T., Donk A. Collective memory and social media: Fostering a new historical consciousness in the digital age? // Mem. Stud. 2018. С. 1–17.

Burstrom M., Gelderblom B. Dealing with difficult heritage: The case of Buckeberg, site of the Third Reich Harvest Festival // J. Soc. Archaeol. 2011. Т. 11. № 3. С. 266–282.

Caraba C. C. Communist heritage tourism and red tourism: concepts, development and problems // Cinq Cont. 2011. № 1. С. 29–39.

Czepczyński M. Cultural Landscapes of Post-socialist Cities: Representation of Powers and Needs. Burlington: Ashgate Publishing Ltd., 2008.

Cohen E. H. Educational Dark Tourism at an in Populo Site. The Holocaust Museum in Jerusalem // Ann. Tour. Res. 2011. Т. 38. № 1. С. 193–209.

Corner J. Enterprise and Heritage: Crosscurrents of National Culture. Psychology Press, 1991.

Hewison R. The heritage industry: Britain in a climate of decline. Methuen London, 1987.

Ivanov S. Opportunities for developing communist heritage tourism in Bulgaria // Turiz. Znan. — Stručni Časopis. 2009. Т. 57. № 2. С. 177–192.

Negussie E. Managing conservation of the built heritage in post-socialist Budapest: Evidence from the old Jewish quarter // Int. J. Herit. Stud. 2007. Т. 13. № 2. С. 136–153.

Labanyi J. Memory and modernity in democratic Spain: The difficulty of coming to terms with the Spanish Civil War // Poet. Today. 2007. Т. 28. № 1. С. 89–116.

Light D. An unwanted past: Contemporary tourism and the heritage of communism in Romania // Int. J. Herit. Stud. 2000. Т. 6. № 2. С. 145–160.

Logan W., Reeves K. Places of Pain and Shame: Dealing with Difficult Heritage. London: Routledge, 2008.

Macdonald S. *Difficult heritage: negotiating the Nazi past in Nuremberg and beyond*. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2009.

Olick J. K. *The politics of regret: on collective memory and historical responsibility*. New York: Routledge, 2007.

Otto J. E. *Representing Communism: Discourses of Heritage Tourism and Economic Regeneration in Nowa Huta, Poland*. 2008.

Poria Y., Ivanov S., Webster C. Attitudes and willingness to donate towards heritage restoration: an exploratory study about Bulgarian socialist monuments // *J. Herit. Tour.* 2014. Т. 9. № 1. С. 68–74.

Reichel P. *Politik mit der Erinnerung: Gedächtnisorte im Streit um die Nationalsozialistische Vergangenheit*. Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1999.

Samuel R. *Theatres of Memory: Past and present in contemporary culture*. Verso, 1994.

Stanciugelu Ș.(1), Țăranu A.(1), Rusu I.(2). The communist cultural heritage in the social representations of a post-communist generation // *Eur. J. Sci. Theol.* 2013. Т. 9. № 2. С. 1–17.

Todorova M., Gille Z. *Post-communist nostalgia*. Berghahn Books, 2012.

Дата поступления: 30.04.2019

Memory construction of the local space: analysis of mnemonic online messages on Shabolovka district (Moscow)

DOI: 10.19181/inter.2019.18.3

Daria Rud'

Rud Daria – PhD candidate, HSE, Sociology Department, e-mail: ruddaria17@gmail.com

The article is devoted to narrative recollections, published in social media. The author analyzed messages about the district Shabolovskaya / Tuskaya (in Moscow) in 2018. Analysis was performed using concepts of memory scale and mnemonic media. The concept of scale, usually used in a topographical sense, is modified and applied to the temporal depth. Mnemonic media allows tracing memories with different criteria of memory validity and have a variety of functions: identity, imagination, knowledge transfer. Topics of Great Purge and avant-garde are isolated subjects of narratives, not intersecting with other topics. Narrative triggers of “memory”, such as old city photographs, were identified to designate the positions of a unified identity, e.g. owners of childhood memories in a Soviet city. Typical features of narratives referring to different places were analyzed. Work can be attributed to the fields of post-socialist research, approbation of memory research methodology, analysis of narrative recollections in social media, local memory investigation.

Keywords: narrative recollection, memory scale, temporal scale, mnemonic media, USSR, post-Soviet, city

References

Assman A. (2014) *Dlinnaja ten' proshlogo. Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika*. Novoe literaturnoe obozrenie.

Birkner T., Donk A. (2018) Collective memory and social media: Fostering a new historical consciousness in the digital age? *Memory Studies*, January, pp. 1–17.

- Burstrom M., Gelderblom B. (2011) Dealing with difficult heritage: The case of Buckeberg, site of the Third Reich Harvest Festival. *J. Soc. Archaeol.*, vol. 11, no 3, pp. 266–282.
- Caraba C.C. (2011) Communist heritage tourism and red tourism: concepts, development and problems. *Cinq Continents*, no 1, pp. 29–39.
- Cohen E.H. (2011) Educational Dark Tourism at an “in Populo Site”. The Holocaust Museum in Jerusalem. *Ann. Tour. Rep.*, vol. 38, no 1, pp. 193–209.
- Corner J. (1991) *Enterprise and Heritage: Crosscurrents of National Culture*. Psychology Press.
- Czepczyński M. (2008) *Cultural Landscapes of Post-socialist Cities: Representation of Powers and Needs*. Burlington: Ashgate Publishing, Ltd.
- Hewison R. (1987) *The heritage industry: Britain in a climate of decline*. Methuen London.
- Ivanov P. (2009) Opportunities for developing communist heritage tourism in Bulgaria. *Turiz. Znan. – Stručni Časopis*, vol. 57, no 2, pp. 177–192.
- Labanyi J. (2007) Memory and modernity in democratic Spain: The difficulty of coming to terms with the Spanish Civil War. *Poet. Today*, vol. 28, no 1, pp. 89–116.
- Light D. (2000) An unwanted past: Contemporary tourism and the heritage of communism in Romania. *Int. J. Herit. Stud.* 2000. T. 6. № 2. p. 145–160.
- Logan W., Reeves K. (2008) *Places of Pain and Shame: Dealing with Difficult Heritage*. London: Routledge.
- Macdonald P. (2009) *Difficult heritage: negotiating the Nazi past in Nuremberg and beyond*. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York: Routledge.
- Negussie E. (2007) Managing conservation of the built heritage in post-socialist Budapest: Evidence from the old Jewish quarter. *Int. J. Herit. Stud.*, vol. 13, no 2, pp. 136–153.
- Olick J.K. (2007) *The politics of regret: on collective memory and historial responsibility*. New York: Routledge.
- Olik D. (2012) Figuracii pamjati: processo-reljacionnaja metodologija, ilustriruemaja na primere Germanii. *Sociologicheskoe Obozrenie*, vol. 11, no 1, pp. 40–74.
- Otto J.E. (2008) *Representing Communism: Discourses of Heritage Tourism and Economic Regeneration in Nowa Huta, Poland*. University of Minnesota dissertation thesis.
- Poria Y., Ivanov P., Webster C. (2014) Attitudes and willingness to donate towards heritage restoration: an exploratory study about Bulgarian socialist monuments. *J. Herit. Tour.*, vol. 9, no 1, pp. 68–74.
- Reichel P. (1999) *Politik mit der Erinnerung: Gedächtnisorte im Streit um die Nationalsozialistische Vergangenheit*. Fischer-Taschenbuch-Verlag.
- Rud' D. (2017) Diskursivnye reprezentacii zhilishha rabochih na primere SSSR I KNR. *Sociologija Vlasti*, no 4, pp. 174–196.
- Samuel R. (1994) *Theatres of Memory: Past and present in contemporary culture*. Verso.
- Stanciugelu Ș., Țăranu A., Rusu I. (2013) The communist cultural heritage in the social representations of a post-communist generation. *Eur. J. Sci. Theol.*, vol. 9, no 2, pp. 1–17.
- Todorova M., Gille Z. (2012) *Post-communist nostalgia*. Berghahn Books.
- Veselkova N., Vandyshev M., Prjamikova E. (2017) Molodye goroda: masshtaby mest pamjati. *Sociologicheskoe Obozrenie*, vol. 16, no 3, pp. 36–65.
- Veselkova N.V., Prjamikova E.V., Vandyshev M.N. (2016) Mesta pamjati v molodyh gorodah. *Urbanistika*.
- Yudin G.B. et al. (2017) *Analiticheskij otchet po sociologicheskomu issledovaniju v ramkah doklada Vol'nogo istoricheskogo obshhestva “Kakoe proshloe nuzhno budushchemu Rossii?”*

Received at: 30.04.2019